

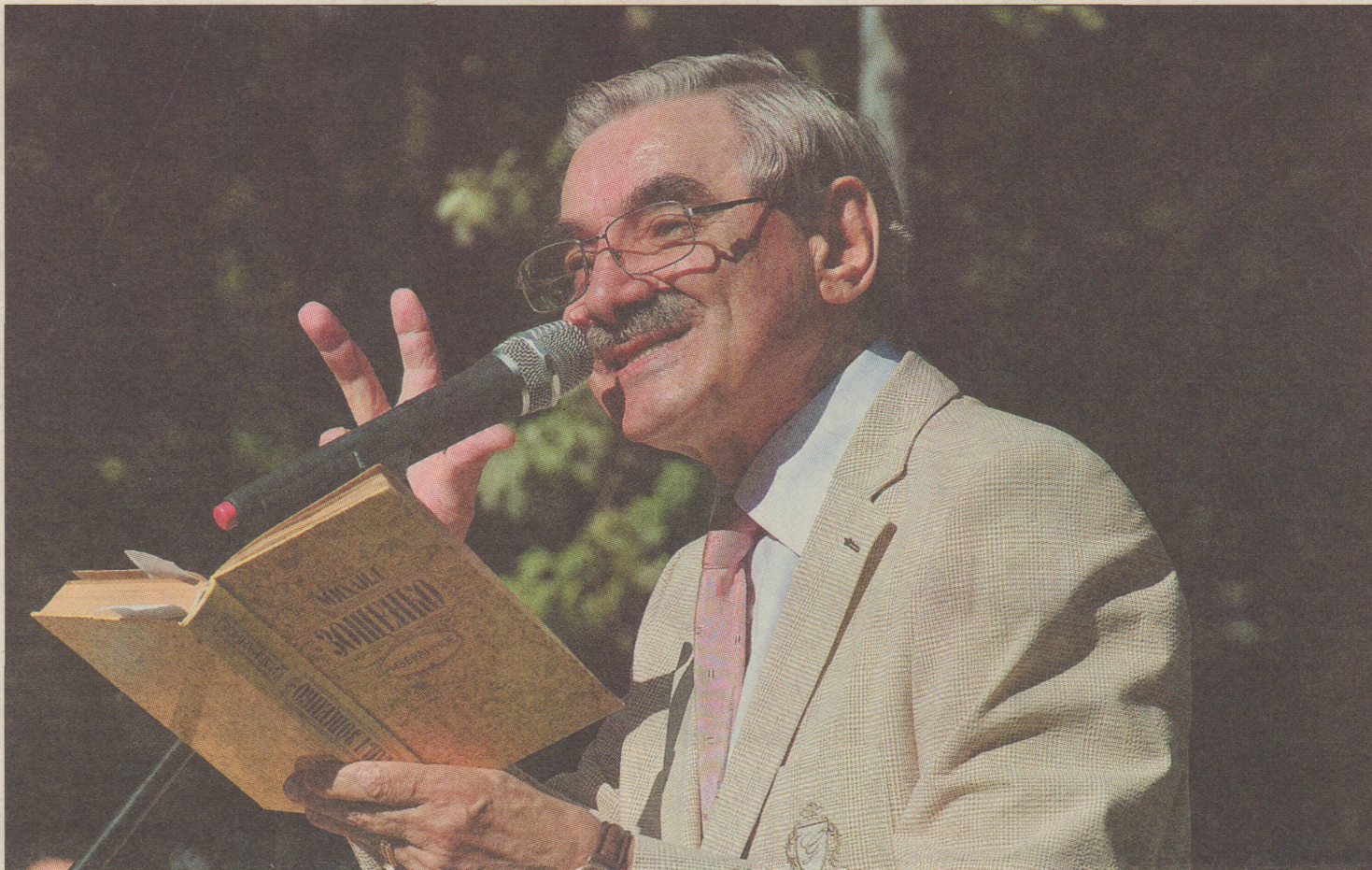
Сюжеты Зощенко перекликаются с днем сегодняшним

В субботу 10 августа в сквере у памятника Михаилу Зощенко у Центральной библиотеки его имени Зощенко состоялись ежегодные традиционные и юбилейные, 20-е по счету, «Зощенковские чтения». В этом году специальным гостем-чтецом произведений писателя стал народный артист России, актер и режиссер Александр Панкратов-Чёрный. Перед началом творческой встречи директор ЦБС Курортного района Людмила Минаева и глава Муниципального совета Сестрорецка Андрей Вишневецкий вручили артисту уменьшенную копию памятника Михаилу Зощенко, который установлен в сквере у Центральной библиотеки на ул. Токарева, 9.

«Расцвет творчества Михал Михалыча пришелся аккурат на двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия, — начал Александр Панкратов-Чёрный, — но многое из того, что он сотворил и остро-тонко высмеивал, очень схоже с нынешней жизнью. Зощенко сравним с кошкой: вроде мягкий, ласковый, смешной, а потом нет-нет и цапнет. Более того, сюжеты или целые рассказы можно увидеть в интерпретации современных наших режиссеров и сценаристов. Ближайший пример тому — недавний военный фильм Никиты Михалкова «Цитадель». Эпизод с миной полностью скопирован из рассказа Михаила Зощенко «Рогулька». Я тогда прямо сказал: «Никита, ну признайся, что не сам придумал этот оригинальный ход, а «подсмотрел» ведь у Зощенко?» Наш киноэкран скромно так промолчал и ничего не ответил по нему поводу».

В паузах между чтениями рассказов Михаила Зощенко Александр Панкратов-Чёрный рассказал о своей актерской биографии и об интересных случаях, которые происходили с ним на съемочных площадках. Очень подробно он остановился на одном из эпизодов своего кинодебюта у Никиты Михалкова и Андрона Кончаловского в киноэпопее «Сибиряда» (конец 1970-х гг.) — финальной сцене, которая считается самой сильной и драматичной в фильме. Главный герой в исполнении Никиты Михалкова ценой собственной жизни спасает товарища, коллегу по работе, роль которого играет Александр Панкратов-Чёрный. Всё это происходит под музыку Эдуарда Артемьева, написанную

специально для финального эпизода, но в конечном итоге ставшую лейтмотивом всего фильма.

«По сценарию на меня падают конструкции нефтяной вышки. Из-за выброса нефтяного фонтана и начавшегося пожара всё вокруг полыхает. Герой Михалкова Алексей Устюжанин видит это, бросается к трактору с краном и пытается поднять железяки. Моего героя в конце концов вытаскивают, а Устюжанин погибает, — рассказывает Александр Панкратов-Чёрный. — Сцену снимали на военном полигоне. Железяка, которой меня придавили, — самая настоящая, и без помощи техники из-под нее не выбраться. Крановщики кое-как научили Никиту дергать рычаги, управляя стрелой крана, которым он должен был приподнять железную ферму, под которой я находился. Было уже начало мая, но снимали на Севере, а там в это время еще полно снега. На мне валенки, фуфайка и шапка-ушанка. Перед съемками я основательно пропитал валенки талой водой из какой-то лужи, так как пиротехники накопили вездеход и поперек канавок, которые потом залили нефтью, а железные фермы вышки — напалмом. Меня уложили под конструкцию и перед тем, как включить камеру, всё это подожгли».

Я лежу, пошевелиться невозможно, вроде даже тепло, только сильный ядерный запах полыхающей нефти и напалма. Но вскоре

начинаю чувствовать, что как-то жарковато становится. А тут еще заминка у Михалкова с управлением краном, а без него меня уже не вытащить из-под груды металла. От моих ног до горячей канавы с нефтью всего паратройка метров, горит так (пиротехники, как это обычно бывает на съемочных площадках, малость переборщили), что мои валенки, насквозь пропитанные водой, совершенно высохли и уже начали тлеть!

Тут я не выдержал и начал кричать совсем не по сценарию, а вскоре и вовсе перешел на «великий и могучий», поскольку, думаю, еще мгновение, и я уже не по сценарию, как Михалков, а действительно сгорю здесь заживо. Никите кое-как все же удалось совладать с краном, приподнять ферму, меня вытащили, я вскочил на ноги и в тлеющих валенках птицей полетел к возделенной ямке с талой водой, чтобы плюхнуться туда, и... не нашел ее! Точнее, ямка была, а воды в ней не было, поскольку она вся выпарилась от жара полыхавшего вокруг огня. У меня был шок, я как сумасшедший бегал вокруг нее и что-то кричал. Вся съемочная группа обратила на меня взоры, и кто-то обронил: «Смотрите, как молодой Панкратов вошел в образ — до сих пор остановиться не может!» А ассистент режиссера заметил, что у меня там, под железякой, было по-настоящему страдальческое лицо. Мне так хотелось сказать ему: «По-

пробуй сам там полежать, еще и не в такой образ войдешь!»

К сожалению, моих подлинных мучений в этой сцене фильма из-за общего плана горящего ада не видно. Тем не менее именно этот пятиминутный эпизод из всей эпической «Сибиряды» — самый сильный, он же стал и финалом киноленты, — констатировал Александр Васильевич. — А еще на съемках «Сибиряды» не было никакой искусственной графики, ее просто не существовало в то время, всё снимали на натуре, и всё было по-настоящему, только в самых сложных эпизодах использовались комбинированные съемки и участвовали дублеры-каскадеры. В остальном же всё, что нужно было по сценарию, делали сами актеры».

Возвращаясь к основной теме творческой встречи, Александр Панкратов-Чёрный отметил: «Ваши места очень красивы, и, наверное, это помогло Михаилу Михайловичу Зощенко создавать здесь, в Сестрорецке, свои уникальные произведения, сюжеты которых, как я уже говорил, перекликаются с днем сегодняшним, а потому по-прежнему актуальны».

Провожали Александра Васильевича бурными аплодисментами. На прощание Александр Панкратов-Чёрный пожелал всем: «Читайте и перечитывайте Зощенко!»

Евгений НИФАШЕВ
Фото автора